

УДК 2.712:130.12+323

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КАК АКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ:
ДИСКУРС КАНОНИЗАЦИИ**

Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А.

В статье на основе анализа различных направлений практик канонизации святых показана трансформация Русской Православной Церкви в начале XXI века в активного актора политики памяти в России. Авторами рассмотрены как дальнейшие направления использования пантеона святых Древней и Средневековой Руси, так и особенности практик канонизации жертв советских репрессий, а также вопросы современной канонизации. Показано, что особое место в практиках канонизации как мемориальной политике играет культ Николая II и его семьи. В статье рассмотрены особенности дискуссий вокруг канонизации некоторых исторических личностей. Практики канонизации и политика памяти Русской Православной Церкви рассматриваются авторами в контексте трансформации массовой религиозной исторической памяти в России.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, политика памяти, коммеморативные практики, религиозная историческая память, канонизация.

**RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AS THE ACTOR OF MODERN POLITICS OF MEMORY:
THE CANONIZATION DISCOURSE**

Batishchev R.U., Belyaev E.V., Linchenko A.A.

On the basis of the analysis of various directions of canonization practices the article shows the transformation of the Russian Orthodox Church in the beginning of the 21st century into an active memory policy actor in Russia. The authors consider both further directions of the use of the pantheon of Ancient and Medieval Russian saints and the peculiarities of the canonization practices of the victims of Soviet repressions as well as the issues of modern canonization. It was shown that the cult of

Nicholas II and his family plays a special role in the practice of canonization as a memorial policy. The article considers the features of discussions about canonization of some historical persons. The practice of canonization and the politics of memory of the Russian Orthodox Church are considered in the context of transformation of mass religious historical memory in Russia.

Keywords: Russian Orthodox Church, politics of memory, commemorative practices, religious historical memory, canonization.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

Современная внешнеполитическая и внутривнутриполитическая повестка дня актуализировала многочисленные споры вокруг политики памяти в России. В нынешней геополитической реальности государства утрачивают значительную часть своего символического потенциала, который перенимают на себя другие политические акторы, и, в частности, политические партии, общественные организации и виртуальные сообщества. Создаваемые ими репрезентации прошлого включаются в общий спектр траекторий исторического сознания, в значительной степени влияя на трансформацию государственной политики памяти. Однако современные исследователи констатируют определенные противоречия в данной сфере. Так А.И. Миллер отмечает, что «...за последние три-четыре года число более или менее организованных экспертных групп и политических акторов, занимающихся проблематикой политики памяти в России, резко возросло» [16]. Он выделяет типичную особенность современности: «характерная черта российской жизни вообще – это слабость институтов, в том числе НПО. Это вполне проявляется в сфере политики памяти. Профессиональные сообщества историков и учителей истории не создали за весь посткоммунистический период сколько-нибудь сильных

независимых объединений, которые могли бы выступать как влиятельные экспертные сообщества» [16].

В этой связи, особое значение в общероссийском пространстве политики памяти все чаще занимает Русская Православная Церковь (далее РПЦ), которая в последнее время весьма активно проявляет себя в сфере актуализации прошлого, его ревизии и презентации. Вместе с тем, следует поставить ряд вопросов, в частности, насколько РПЦ способна быть сегодня значимым актором политики памяти? Какие направления ее деятельности могут претендовать на статус политики памяти? Насколько данный актор может быть эффективным в глазах простых россиян? Ответы на эти вопросы мы постараемся дать в данной статье на основе анализа ключевых коммеморативных мероприятий РПЦ последних лет в рамках практик канонизации, а также результатов опросов общественного мнения, проводившихся в последние годы.

Русская Православная Церковь и политика памяти

Исследователь Д.А. Аникин полагает, что «*политика памяти* представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» [3, с. 36]. Данное определение оказывается одним из наиболее удачных в современном дискурсе, поскольку не акцентирует внимание исключительно на функциях государства в формировании и реализации политики памяти. Общее усиление роли РПЦ в общественных процессах в 2000-е годы не могло не сказаться на усилении ее статуса как актора политики памяти. В 1990-е годы РПЦ как и другие организации в России достаточно пассивно проявляла себя в российском коммеморативном пространстве. Ее деятельность во многом была связана с восстановлением храмов, организацией религиозных праздников, попытками популяризации религиозного образа жизни.

Подход Патриарха Алексия II, как известно, был отражением распространенной в те годы точки зрения, что катастрофический опыт России в XX веке является своеобразной карой за цареубийство и еще только требует осмысления, покаяния и молитв. Иной стала постановка вопроса о памяти с приходом Патриарха Кирилла, позиция которого, в отличие от позиции Алексия II основывается в том, что Россия уже «искупила свой грех» [30]. Так, комментируя попытки создания единого учебника истории, в августе 2014 года он утверждал, что «единая концепция школьного учебника истории поможет молодежи победить "синдром исторического мазохизма", который воспитывали в школах в 90-е годы» [17].

Вместе с тем, в современных исследованиях подчеркивается, что, «поскольку сакральное в современном обществе выходит за пределы собственно религии, религиозные сообщества оказываются перед необходимостью соотнесения собственных воспоминаний с коллективной памятью других социальных субъектов... религиозные институты пытаются за счет использования сакрального канона коллективных воспоминаний легитимировать собственное существование в сегодняшнем политическом и экономическом контексте» [2, с. 13]. По мнению автора, РПЦ попыталась «выстроить новую символическую конфигурацию за счет привлечения имеющихся в обществе символических ресурсов коллективной памяти, прежде всего за счет устойчиво позитивных воспоминаний о Великой Отечественной войне» [2].

Практики канонизации и институт святости

Говоря о роли Русской Православной Церкви как акторе политики памяти в современной России, нельзя не отметить, что в распоряжении Церкви находится такой важный инструмент коммеморации, как канонизация и институт святости. Собственно возведение чьего-либо жизненного пути в канон святости и есть коммеморация, особенно учитывая значительную символическую составляющую (иконы, молитвы, жития) вокруг культа святого. Причём мемориальная политика Церкви в данной сфере осуществляется как

путём популяризации образов людей, прославленных в лике святых уже несколько столетий назад (князь Владимир, Александр Невский), так и через канонизацию лиц, живших сравнительно недавно.

Последнее особенно ярко иллюстрируется на примере позиционирования Церковью образа последнего российского императора Николая II и членов его семьи. Как известно, далеко не бесспорной была сама их канонизация в 2000 году. Кроме того, повышенное внимание к судьбе царской семьи было и остаётся обусловленным, среди прочего, политико-идеологической конъюнктурой. В 1990-е годы апологетика расстрелянной царской семьи и царя-мученика была выгодна и Церкви, и государству, во-первых, как элемент критики коммунистического строя, а во-вторых, в русле поиска новых духовных и исторических ориентиров (идея великой «страны, которую мы потеряли», активно эксплуатировавшая в начале 1990-х годов). Очередной всплеск интереса к фигуре Николая II мы наблюдаем в последние годы, и Церковь играет в этом немаловажную роль. Так в 2015 году Следственный комитет России (СК РФ) возобновил уголовное дело по факту убийства Николая II, членов его семьи и свиты.

Очень характерно, что высказанная официально секретарем Патриаршей комиссии по изучению результатов экспертизы останков царской семьи епископом Егорьевским Тихоном (Шевкуновым) версия о ритуальном характере убийства царской семьи [12] не просто оказалась актуальной в медийном пространстве, но и была поддержана СК РФ [25]. Сегодня эта версия официально рассматривается в рамках уголовного производства. Выдвигаемая версия и её активное освещение в СМИ также укладывается в рамки символической и исторической политики Русской Православной Церкви: на фоне сложной внешней обстановки и нового геополитического противостояния с Западом, актуализация темы заговора внешних сил против русского народа, защиты своей самобытности и идентичности (а «заговорщики» и тогда, и сейчас покушаются на сакральные основы русской жизни) выгодна и Церкви, и государству. Данная тема актуализировалась датой 100-летней годовщины

Октябрьской революции, став элементом критической позиции Церкви по отношению к гражданской войне и советскому строю.

Церковь создаёт и поддерживает определённую мифологию вокруг последнего российского императора, в которой он предстаёт фигурой, сочетающей в себе качества мудрого государя и праведного христианина, принявшего мученическую смерть за веру и за свой народ. Образ Николая II является одним из главных компонентов политики памяти Русской Православной Церкви, поскольку события именно его правления чаще всего переносятся на события настоящего времени, а события после его правления преподносятся едва ли не как самая чёрная страница русской истории. С царственными страстотерпцами Николаем II и его семьёй символически связан целый сонм святых – новомучеников и исповедников Российских, православных, принявших мученическую смерть за веру после Октябрьской революции 1917 года. Любые попытки взглянуть на фигуру царя под другим углом наталкиваются на острую неприязнь со стороны официальных лиц Церкви, что продемонстрировала, например, их критика в адрес фильма «Матильда» [18], где образ российского императора носит совсем не идеализированный «каноничный», а скорее житейский, «человечный» характер.

Так в рождественском интервью телеканалу «Россия» 7 января 2018 года, Патриарх Кирилл высказался о картине следующим образом: «Даже в год столетия революционных событий на экранах не появилось ничего, кроме фильма, который бросает очередной ком грязи в лик страстотерпца» [24]. Попытка художественной демифологизации фигуры Николая II не нашла понимания у церковных иерархов. Это позволяет утверждать, что для проводимой Церковью мемориальной политики имеет место серьёзная значимость этого образа и выстроенной вокруг него мифологии.

Коммеморация жертв советских репрессий и восстановление культурно-исторического наследия

Героизация и мифологизация фигуры последнего русского царя является частью большого направления мемориальной политики Русской Православной

Церкви, связанного с коммеморацией жертв советских репрессий. Прославление царской семьи в лике святых в 2000 году совпало с самой массовой канонизацией за всю историю Русской Православной Церкви: решением Архиерейского Собора 2000 года сонм новомучеников и исповедников пополнился сразу 1097 святыми [7]. Активная работа по канонизации новомучеников продолжалась с 1989 года, с момента создания Синодальной комиссии по канонизации святых, вплоть до 2011 года, когда значительно изменились критерии включения в сонм новомучеников. Примечательно, что в период с 1989 по 2011 годы всего данной комиссией было канонизировано 1866 человек [26]. Из них 1776 человек [1, с. 69], т.е. около 95% были прославлены как новомученики, что говорит о важности именно этого направления мемориальной политики в условиях ценностной трансформации и переосмысления недавней истории жителями постсоветского пространства в 1990-е – 2000-е годы.

Отдельным инструментом выступает создание так называемых «мест памяти» – мемориальных комплексов по адресам, где осуществлялись репрессии в отношении духовенства и верующих мирян. Самые крупные такие мемориальные комплексы находятся на Бутовском полигоне в Московской области, центральное культовое сооружение которого – Храм новомучеников и исповедников Российских в Бутове, а также на территории бывшего Соловецкого лагеря особого назначения [10]. Кроме того, в память о жертвах религиозных гонений установлены церковные праздники: 7 февраля (25 января по старому стилю) – Собор святых новомучеников и исповедников Церкви Русской, а также отдельно Собор новомучеников в Бутове пострадавших – в 4-ю субботу по Пасхе. Увековечивание памяти дополняется также и символической составляющей: в 2000 году была написана икона «Собор новомучеников и исповедников Российских за Христа пострадавших, явленных и неявленных», изображающая собирательный образ подвига, совершённого Церковью в XX веке. Причём во главе сонма новомучеников изображена именно расстрелянная царская семья [35].

Также к инструментам коммеморации религиозных гонений XX века можно отнести и участие Церкви в восстановлении монастырей и храмов, разрушенных в годы советской власти. В 1987 году на территории СССР было 6893 храма и всего полтора десятка действующих монастырей, в 2017 году, выступая на Архиерейском Соборе, Патриарх Кирилл озвучил следующие цифры: 36878 храмов (рост за 30 лет более чем в 5 раз) и 944 мужских и женских монастыря [8] (за 30 лет их число увеличилось почти в 63 раза). Значительный общий рост количества действующих храмов и монастырей во многом обусловлен активной работой Церкви по восстановлению разрушенных и законсервированных объектов, а также по передачи культовых сооружений в церковное ведение. Ещё в 2016 году Патриарх Кирилл отметил, что только с 2009 года (т.е. в течение 7 лет) построено и восстановлено около 5000 храмов [9].

Здесь крупнейшим политическим событием недавней истории, безусловно, является восстановление Храма Христа Спасителя в Москве. К другим крупным восстановленным объектам можно отнести Свято-Никольский женский монастырь в Переславле-Залесском, Николо-Перервинский монастырь в Москве, храм Живоначальной Троицы в Листах в Москве, Николо-Угрешский монастырь и др. [22]. Необходимо отметить, что по вопросам увековечивания памяти жертв политических репрессий и восстановления культурно-исторического наследия Русская Православная Церковь в общем и целом находит поддержку как государства, так и гражданского общества.

Новые практики канонизации в 2000-е годы

Продолжая тему канонизации как одного из важнейших церковных инструментов коммеморации, стоит отметить серьёзные попытки Церкви «осовременить» институт святости, представить святость и святых не как нечто архаичное и полуполегендарное, случившееся столетия назад и осевшее лишь в глубинах символической культурной памяти, а как то, что окружало наших недавних предков и, возможно, окружает нас самих и существует ещё в пределах живого дискурса. Конечно, такое представление о святости сильно

отличается от установленных в Православии правил канонизации, однако многолетние общественные дискуссии вокруг некоторых «кандидатур», которых определённые круги рассматривают как святых, заостряет внимание на этой проблеме «осовременивания» святости. Особый накал некоторым дискуссиям придаёт то, что сами рассматриваемые личности оставили о себе крайне противоречивую историческую память.

Так, в начале 2000-х годов Русская Православная Церковь развёрнуто обосновывала свою позицию по предложениям канонизировать царя Иоанна IV Грозного и Григория Распутина. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 2004 году, рассмотрев аргументы сторонников канонизации этих исторических деятелей, пришёл к выводу, что религиозные основания для причисления их к лику святых отсутствуют, а сами дискуссии вокруг них используются во многом для политических спекуляций [20].

Сторонники канонизации первого русского царя, среди которых были и священнослужители, ссылались на якобы существовавший после смерти Грозного его культ как святого и иконографические изображения, на его почитание некоторыми признанными святыми и авторитетными старцами. Однако официальные лица Русской Православной Церкви негативно отнеслись к подобным предложениям, приводя в пример многочисленные исторические свидетельства кровавых деяний Ивана Грозного, в том числе, в отношении духовенства (например, убийство митрополита Филиппа, прославленного в 1652 году в чине святителя Московского).

Сторонники канонизации Григория Распутина ссылаются на якобы совершённые им чудеса исцеления и провидческий дар, а также на веру некоторых современников в его святость. Критики этой идеи, озвучивая официальную позицию Церкви, говорят о противоречивости сведений и самого влияния Г. Распутина на ход истории, более того, некоторые публицисты ставят в вину императору Николаю II сам факт его общения с таинственным старцем.

Одним из самых неожиданных выглядит предложение канонизировать Иосифа Сталина. Подобную идею разделяют не только представители

национал-патриотических сил, но и отдельные представители духовенства. Так в конце 2000-х годов игумен Евстафий (Жаков) разметил в своём храме в Стрельне неканоничную икону «Матрона и Сталин», где изображён якобы имевший место в 1941 году разговор советского вождя и знаменитой московской старицы Матроны Московской. Выставление иконы вызвало широкий общественный резонанс и резкую критику со стороны церковного руководства [32]. Другая, ставшая знаменитой, икона с изображением Сталина – «Богоматерь Державная», где генералиссимус показан в окружении советских маршалов Великой Отечественной войны, была представлена в 2015 году во время церковной службы на Прохоровском поле [5]. Свидетель этого писатель и публицист А.А. Проханов также предложил причислить генералиссимуса к лику святых, поскольку, по его мнению, в той великой войне Сталин представлял «райские силы», а фашисты – «адовы» [28].

Дискуссии вокруг канонизации некоторых личностей, приближенных к нам в историческом времени, находят своё отражение и в том, что предпринимаются попытки распространить понятие святости и на деяния наших фактических современников, людей, живших и ушедших из жизни уже в постсоветские годы. Так серьёзному обсуждению в церковных кругах и среди православной общественности подверглась идея канонизировать Евгения Родионова – российского солдата в 1996 году казнённого в плену боевиками в Чечне за нежелание отказаться от православной веры. Причём в данном случае официальная позиция Русской Православной Церкви, согласно которой отсутствуют объективные свидетельства его мученической кончины, его сознательной церковной жизни и т.д. [33], расходится с уже существующей религиозной практикой, поскольку де-факто вокруг его фигуры сложился определённый культ, существуют иконы и молитвы воину-мученику Евгению, совершаются паломничества к его могиле [34].

В начале 2000-х годов сложились определённые церковные коммеморативные практики вокруг погибших моряков подлодки «Курск». Священнослужителями Мурманской епархии даже выдвигались идеи о

присвоении статуса местночтимых святых всем погибшим подводникам, однако это предложение не могло быть рассмотрено из-за жёсткого противоречия церковным канонам. Кроме того, среди погибших были некрещёные и мусульмане. Тем не менее, изображения моряков можно встретить на рамах нескольких икон, написанных после случившейся катастрофы (самая известная – Божья Матерь «Курская»). Мурманское духовенство принимает самое активное участие в ежегодных памятных мероприятиях [21, с. 7-12].

Как пример святости многие представители православной паствы рассматривают жизненный путь некоторых духовных деятелей постсоветской эпохи (например, отец Иоанн Крестьянкин), которые символизируют собой возрождение института старчества в Русской Православной Церкви. На идее подвижнического подвига «новых» старцев акцентирует своё внимание епископ Тихон (Шевкунов), автор нашумевшей книги «Несвятые святые» и другие рассказы», вышедшей в свет и ставшей бестселлером в 2011 году [29].

Так или иначе, в последние десятилетия Церкви было крайне важно продемонстрировать пастве актуальные примеры праведной жизни, особенно в ситуации глубокого ценностного кризиса российского общества и потери духовных ориентиров на фоне масштабных социально-политических потрясений 1990-х годов. Причём описанные выше мероприятия укладываются не только в рамки мемориальной и символической политики, но также затрагивают политико-идеологическую доктрину Русской Православной Церкви [14, с. 33-37], концепцию её молодёжной политики и социального служения [11, с. 117-124]. Ведь помимо идеалов пастырства, монашества, старчества и т.д., особое внимание уделяется увековечиванию памяти героев, погибших за Отечество.

Коммеморация Средневековья

Явная тенденция к «осовремениванию» церковной жизни и акцентуация внимания на событиях недавнего прошлого, как показывает практика, в ряде случаев провоцирует если не скандалы (как в случае с иконами Сталина или

фильмом «Матильда»), то ожесточённые общественные дискуссии, накаляя градус и без того конфликтного противостояния различных ценностных установок жителей России. Поэтому, понимая всю спорность и неоднозначность восприятия нашего недавнего прошлого, Русская Православная Церковь стремится переместить фокус внимания на события более давнего времени, в связи с чем выделяется отдельное направление мемориальной политики Церкви – коммеморация Средневековья. Увековечивание памяти об истории Древней Руси строится по преимуществу вокруг трёх фигур: Александра Невского, Владимира Крестителя и братьев Кирилла и Мефодия. Так, именно этим историческим деятелям в 1990-е – 2000-е годы было воздвигнуто (при активном участии Церкви) наибольшее количество памятников и других мемориальных сооружений не только в Российской Федерации, но и на территории Восточной Европы [31, с. 382-397]. На территории России, Украины и Беларуси (т.е. на канонических территориях Русской Православной Церкви) по состоянию на 2017 год находится 14 памятников Александру Невскому (и ещё 4 памятника в честь Невской битвы и 2 – в честь Ледового побоища), 18 памятников князю Владимиру. Но самые популярные средневековые персонажи – равноапостольные братья Кирилл и Мефодий: на территории трёх стран им установлено 29 памятников [31].

Фигура Александра Невского, как известно, оказалась «востребованной» ещё для исторической политики советского государства в конце 1930-х годов в контексте предстоящей схватки с немецкими завоевателями. Однако и на сегодняшний день образ святого благоверного князя Александра Ярославича актуален в контексте социально-политических и культурных процессов. Признание необходимости единства русских людей перед внешней опасностью, решимость в противостоянии с Западом, грамотный цивилизационный выбор, праведная христианская жизнь и воинская доблесть – все эти черты образа Александра Невского как нельзя кстати подходят для роли компромиссной исторической фигуры и примера для подражания. Примечательно, что в 2008 году Александр Невский занял первое место в проекте «Имя России», что

свидетельствует о стремлении общества найти основания для консолидации именно в фигурах правителей древности.

Активная поддержка со стороны РПЦ образов князя Владимира и братьев Кирилла и Мефодия ставит перед собой гораздо более масштабные цели, чем просто поиск компромиссных фигур. С этих исторических деятелей, по сути, берёт своё начало история России как православной страны. В выступлениях высших иерархов Русской Православной Церкви не раз высказывалось мнение, что подлинная история России, вписанной в историю человечества и обретшей свою историческую субъектность, начинается не с мифического призвания варягов на Русь, а именно с Крещения Руси [27, с. 36-41]. Тем самым, можно увидеть попытку построить новую историческую мифологию всей истории России, путём перемещения вперёд точки отсчёта нарратива этой мифологии. Причём историческая мифология Церкви в таком случае идёт вразрез с академической историей: ведь в 2012 году страна отметила 1150-летие российской государственности, отсчёт которой ведётся с 862 года.

Тем не менее, важно отметить, что на сегодняшний день продвижение своей мифологии Церковью осуществляется гораздо более успешно, чем официальной наукой. Церковь использует широкий спектр инструментов мемориальной политики: от установки памятников князю Владимиру (например, скандальный проект установки памятника в Москве на Воробьёвых горах) до медийной активности. Ярким примером этому служит активное участие в продвижении кинофильма «Викинг» (2016, реж. А. Кравчук), повествующем о князе Владимире, где очень чётко проводится грань между дохристианской Русью и Русью после принятия Православия [13].

Обращение к теме самобытной российской цивилизации, в основе которой Православие (чему мы обязаны князю Владимиру) и единство языка (чему мы обязаны Кириллу и Мефодию), имеет и ярко выраженный политический подтекст [4, с. 81-107]. Русская Православная Церковь долгие годы, особенно после исторического воссоединения с Русской Православной Церковью Заграницей, является одним из главных сторонников т.н. «русского

мира» – идеи единства русских и русскоговорящих всей планеты, кто чувствует свою общность с Россией и кому не безразлична её судьба. Надо сказать, что концепт «русского мира» используется и как идеологическая доктрина российской внешней политики, и как обоснование нынешнего геополитического противостояния с западным миром. В этом ключе возможно рассматривать Русскую Православную Церковь с её идеологическими и символическими ресурсами как инструмент реализации российской «мягкой силы» посредством общения с православной паствой зарубежья (прежде всего, бывших советских республик) и гуманитарного сотрудничества с внешнеполитическими союзниками [15, с. 141-151]. Однако насколько усиление РПЦ как актора российской политики памяти внутри и за пределами страны соответствует ожиданиям простых россиян, особенностям их религиозной исторической памяти?

Религиозные представления и религиозная память россиян

Анализ религиозных представлений и религиозной памяти россиян можно проследить на основе проводившихся опросов ведущими российскими центрами изучения общественного мнения, прежде всего, ВЦИОМ и ФОМ. Так по данным ВЦИОМ о том, как изменились оценки россиян роли религии в обществе за 25 лет [23] в вопросе распространения веры россияне в 2015 году относились хуже, чем в 1990 году. На вопрос о том, что рост религиозных убеждений пойдет на пользу обществу в 1990 году соглашался 61% опрошенных, в 2015 году – только треть (36%). Вместе с тем, о вреде распространения религиозных убеждений в 2015 году говорят значительно чаще: для общества в целом – с 5% в 1990 г. до 23% в 2015 г., для себя – с 3% до 18% соответственно.

Роль религии в своей повседневной жизни в 2015 году оценивали значительно выше, нежели в 1990 г.: за четверть века доля тех, кто признает, что вера поддерживает их в определенных ситуациях, выросла более чем в 2 раза: с 23% до 55% (однако среди неверующих таковых существенно меньше – 15%).

Результаты опроса весьма показательны: можно говорить о процессе целенаправленного процесса усиления роли РПЦ в государстве, при этом отношение россиян к этому процессу весьма неоднозначное. В этом смысле весьма показательными являются результаты другого опроса, проведенного ВЦИОМ в 2013 году, в соответствии с которым 46% россиян считают, что в стране сегодня существует государственная религия, а 44% полагают, что это – Православие [19]. Этот же опрос отражает значительную роль РПЦ в истории России (56%). Большинство россиян признают влияние Православия на развитие России, причем почти каждый второй отмечает, что оно чаще выступало движущей и позитивной силой (47%) и только 9% отмечают, что чаще оно тормозило ее развитие. Треть опрошенных полагает, что Православие влияния на развитие государства не оказывало [19].

Интересно, что, по мнению большинства респондентов, Церковь должна влиять на моральную жизнь всего общества, не вмешиваясь в политику и государственные дела, причем с каждым годом эта точка зрения находит все больше сторонников (с 43% в 2009 году до 50% в 2018 году). Эта позиция вполне гармонирует с уже обозначенным выводом о неоднозначном, зачастую негативном отношении россиян относительно усиления роли РПЦ в современном обществе.

Приведем также сведения, полученные в ходе регулярно проводящихся ВЦИОМом экспресс-опросов, посвященных одобрению/неодобрению деятельности общественных институтов [6]. Из них видно, что уровень доверия к РПЦ в течение пятилетия остается на стабильно высоком уровне, достигнув пика в мае 2017 года (75,8%). Если в 2012 – 2013 гг. показатели одобрения колебались от 62% до 70%, то с февраля 2014 г. данные показатели стали колебаться от 70% до 75%. Параллельно этому довольно стабильным оставался уровень неодобрения деятельности РПЦ, находясь в рамках от 10,5% до 17,4%. В среднем уровень неодобрения деятельности РПЦ за пятилетие составляет 14,9%, в то время как средний уровень одобрения составляет 69,5%.

Таким образом, общее усиление роли Русской Православной Церкви в общественных процессах в 2000-е годы не могло не сказаться на усилении ее статуса как актора политики памяти. В современных условиях Русская Православная Церковь становится активным актором, определяющим, в целый ряд векторов целенаправленной политики памяти в России. В этом смысле можно видеть весьма разнообразную повестку вопросов, общественных проблем, тем и дискуссий, в которых РПЦ принимает активное участие, зачастую формируя общественное мнение по тому или иному вопросу. Вместе с тем, в области политики памяти Русская Православная Церковь пытается выстроить новую символическую конфигурацию за счет привлечения имеющихся в обществе символических ресурсов коллективной памяти, что проявляется в трансформации такого важного элемента мемориальной политики как практики канонизации. Мемориальная политика Церкви в данной сфере осуществляется как путём популяризации образов людей, прославленных в лике святых уже несколько столетий назад, так и через канонизацию лиц, живших сравнительно недавно. Вместе с тем, привлечение внимания к фигурам Кирилла и Мефодия, Владимира Крестителя и Александра Невского оказывается важнейшим элементом развития представлений о самобытной российской цивилизации и «русском мире».

В этом ключе возможно рассматривать Русскую Православную Церковь с её идеологическими и символическими ресурсами как инструмент реализации российской «мягкой силы» и гуманитарного сотрудничества с внешнеполитическими союзниками. Тем не менее, несмотря на повышение общего уровня доверия Церкви среди простых россиян, большинство респондентов в России скептически смотрят на возможности вмешательства Русской Православной Церкви в политику, а также негативно оценивают факты ее усиления в современном российском обществе.

Список литературы:

1. Аглей Е.А. Актуальность современного исследования проблемы новомученичества // Экономические и гуманитарные исследования регионов. №1. 2016. С. 68-71.
2. Аникин Д.А. Коллективная память религиозных сообществ в эпоху глобализации // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Том 157. Кн.1. С. 7-15.
3. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 34-38.
4. Белякова Н.А., Токарева Е.С. Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкторов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 81-107.
5. В России священник совершил богослужение с иконой Сталина [Электронный ресурс] // Интернет-газета Znak. 28.05.2015. URL: <https://goo.gl/b9RaAt> (дата обращения: 15.03.2018).
6. Деятельность общественных институтов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/XNPAsV> (дата обращения: 15.03.2018).
7. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. 09.06.2008. URL: <https://goo.gl/vxBWvQ> (дата обращения: 15.03.2018).
8. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (29 ноября – 2 декабря 2017 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. 29.11.2017. URL: <https://goo.gl/CnFJpa> (дата обращения: 15.03.2018).
9. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2016 года) [Электронный ресурс] //

Официальный сайт Московского Патриархата. 02.02.2016. URL: <https://goo.gl/3R9HTH> (дата обращения: 15.03.2018).

10. Дорман В. От Соловков до Бутово: Русская Православная Церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России // *Laboratorium*. № 2. 2010. С. 327-347.

11. Елишев С.О. Молодёжная политика Русской Православной Церкви в Российской Федерации // *Пространство и время*. №1 (11). 2013. С. 117-124.

12. Епископ Тихон пояснил, что значит версия ритуального убийства царской семьи [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. 28.11.2017. URL: <https://goo.gl/USZLRR> (дата обращения: 15.03.2018).

13. Иванова Е. «Викинг»: миссионерский блокбастер [Электронный ресурс] // *Православие и современность*. Информационно-аналитический портал Саратовской и Вольской епархии. 2018. URL: <https://goo.gl/jMukDD> (дата обращения: 15.03.2018).

14. Жданова Т.Ю. Русская Православная Церковь и идеологическое проектирование в современной России: предпосылки, реализация, перспективы // *Общество: политика, экономика, право*. 2011. № 4. С. 33-37.

15. Касаткин П.И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 6 (15). С. 141-151.

16. Миллер А. Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов [Электронный ресурс] // Интернет-журнал ГЕФТЕР. 30.01.2017. URL: <https://goo.gl/7VpSSR> (дата обращения: 15.03.2018).

17. Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм» [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство России [сайт]. 30.08.2014. 30 августа. URL: <https://goo.gl/fcqsoT> (дата обращения: 15.03.2018).

18. Постолов И. Мнение священников и иерархов Русской Православной Церкви о фильме «Матильда» [Электронный ресурс] // *Православие.фм* [сайт]. 11.08.2017. URL: <https://goo.gl/eNhkMK> (дата обращения: 15.03.2018).

19. Православие в России: прошлое и настоящее. Пресс-выпуск № 2451 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 12.11.2013. URL: <https://goo.gl/bix1P1> (дата обращения: 15.03.2018).

20. Приложение № 2 к докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых. К вопросу о канонизации царя Ивана Грозного и Г.Е. Распутина. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 3-8 октября 2004 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. 07.06.2008. URL: <https://goo.gl/kdHpWd> (дата обращения: 15.03.2018).

21. Разумова И.А. Деятельность Русской Православной Церкви по увековечиванию памяти погибших моряков «Курска» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5 (158). С. 7-12.

22. Разрушенные и восстановленные храмы [Электронный ресурс] // Интернет-портал об истории России. Путешествия по Святым местам. 15.12.2016. URL: <https://goo.gl/EvgwzL> (дата обращения: 15.03.2018).

23. Религия: за и против. Пресс-выпуск № 2888 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. 27.07.2015. URL: <https://goo.gl/79ssLo> (дата обращения: 15.03.2018).

24. Рождественское интервью Святейшего Патриарха Кирилла телеканалу «Россия» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. 07.01.2018. URL: <https://goo.gl/27y8MV> (дата обращения: 15.03.2018).

25. СК проверит версию ритуального убийства царской семьи [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. 27.11.2017. URL: <https://goo.gl/iJNYSw> (дата обращения: 15.03.2018).

26. Синодальная комиссия по канонизации святых [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. 2018. URL: <https://goo.gl/bfPVZQ> (дата обращения: 15.03.2018).

27. Солнцев Н.И. «Крещение Руси»: история юбилеев и мемориальная политика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 36- 41.

28. Сталина предложили причислить к лику святых [Электронный ресурс] // Лента.Ру [сайт]. 18.06.2015. URL: <https://goo.gl/wg2ctf> (дата обращения: 15.03.2018).

29. Степанова Е., Яковлева Е. Неназидательные рассказы. Архимандрит Тихон Шевкунов написал бестселлер [Электронный ресурс] // Российская газета [сайт]. 22.09.2011. URL: <https://goo.gl/EtFsWi> (дата обращения: 15.03.2018).

30. Суслов М.Д. Прошлое и будущее в историческом воображении современной Русской православной церкви // Прошлый век. М.: ИНИОН, 2013. С. 35-46.

31. Филюшкин А.И. Когда и зачем стали ставить памятникам историческим персонажам Древней Руси? // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Выпуск № 7. С. 382 -397.

32. Хоть святых выноси. Из храма в Стрельне убрали икону беседующей со Сталиным Матроны Московской [Электронный ресурс] // Лента.Ру [сайт]. 28.11.2008. URL: <https://goo.gl/i9tPpr> (дата обращения: 15.03.2018).

33. Чапнин С. Можно ли спешить с канонизацией? [Электронный ресурс] // Церковный вестник. № 1-2 (278-279). Январь 2004. URL: <https://goo.gl/CD5Rfo> (дата обращения: 15.03.2018).

34. Шаргунов А. О верности Кресту Христову // Благодатный огонь. Православный журнал [сайт]. 23.05.2016. URL: <https://goo.gl/S6Gg1G> (дата обращения: 15.03.2018).

35. Zimmermann M. Die Russische Orthodoxe Kirche als erinnerungspolitischer Akteur (1995-2009) Der Schießplatz Butovo als Fallbeispiel für die postsowjetische Gedenkkultur // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte – Akteure – Deutungen (Europas Osten im 20. Jahrhundert.

Schriften des Imre-Kertész-Kollegs Jena, 4) / Jörg Ganzenmüller, Raphael Utz. Oldenbourg, München: de Gruyter, 2014. S. 59-90.

Сведения об авторах:

Батищев Роман Юрьевич – методист Центра дополнительного образования Липецкой области, руководитель творческого объединения «Лаборатории социально-гуманитарных исследований "Гранит науки"» (Липецк, Россия).

Беляев Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель директора Центра поддержки одаренных детей «Стратегия», (Липецк, Россия).

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the authors:

Batishhev Roman Jurevich – Methodologist of Centre for Additional Education of Lipetsk Oblast; Head of Creative Association Laboratory of Social and Humanitarian Studies “Granite of Science” (Lipetsk, Russia).

Belyaev Evgenii Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of Centre for Support of Gifted Children “Strategy” (Lipetsk, Russia).

Linchenko Andrei Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Researcher of Lipetsk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: romanbatishhev@rambler.ru.

E-mail: gack1@yandex.ru.

E-mail: linchenko1@mail.ru.